

Исследователями неолита также было уделено внимание выяснению назначения археологических предметов. А. П. Окладников в статье «К вопросу о назначении каменных рыб из Сибири» (стр. 193—202, с 4 рис. в тексте и 2 табл.) выступает во второй раз с темой о каменных рыбах: в «Сов. Арх.», № 1 он анализирует их изображение с точки зрения неолитического искусства Сибири. В этой статье выясняется назначение каменных рыб. Автор связывает их с охотничье-рыболовческим инвентарем, трактуя их как приманку рыб, что убедительно доказывает многочисленным рядом этнографических аналогий, а также литературными указаниями. Интерпретация его не вызывает никакого сомнения.

Статья М. Фосс и Л. Ельницкого—«О добывании камня и о древнейших каменно-ломных орудиях на севере Восточной Европы» (стр. 182—192, с 5 рис. в тексте) посвящена расшифровке назначения каменных орудий кирообразной формы, распространение которых связывается с территорией Карельской ССР в эпоху неолита. Авторы определяют их как универсальные землекопные орудия, применявшиеся и для выкапывания каменных пород, из которых изготовлялся производственный инвентарь.

С. А. Сменов положил начало изучению палеолитических кремневых орудий с точки зрения их назначения по следам, оставшимся на них от упогребления. В статье—«Следы употребления на неолитических орудиях из ангарских погребений» (стр. 203—211, с 25 рис. в тексте) автор, пользуясь своим методом, определяет ряд неолитических орудий. Кроме того, указывая на заполорванность и штриховку на рабочей части орудий, он восстанавливает ряд моментов—положение орудия в процессе работы, характер действия, направление движения, что определяет с полной очевидностью функцию орудий. Убедительны и соображения автора о мягкости или твердости обрабатываемого материала.

В публикации М. Е. Фосс—«Костяные и деревянные изделия стоянки Веретье» (стр. 212—235, с 7 табл. и 1 рис. в тексте), представляющей несколько измененную часть работы, изданной в «Тр. Гос. истор. муз.», вып. VIII, также затронуты вопросы о выяснении назначения предметов. В частности, следует отметить, что в разделе обработки кости и рога автор, независимо от М. М. Герасимова, работавшего над палеолитическим материалом (см. его статью в этом же сборнике), приходит к одинаковым с ним выводам, что может послужить признаком правильности наблюдений и заключений обоих авторов, как бы контролирующих друг друга.

Отчет П. А. Дмитриева—«Землянки на зауральских стоянках» (стр. 236—244, с 11 рис. в тексте) отличается тщательностью наблюдений и интересен в отношении методики раскопок. Проведение длинной узкой траншеи (черт. 2), пересекающей всю стоянку, несомненно, имело целью не только выяснение стратиграфии, но и обнаружение землянок. Очертания их в плане обычно едва заметны, иногда совсем неуловимы, и, начиная раскопки вскрытием большой площади по квадратам, исследователь рискует пропустить такие «сюжеты», как землянки, очажные ямы и т. п. Землянки, открытые автором, являются первыми в районе восточного Урала.

Е. Кричевский («О процессе исчезновения трипольской культуры», стр. 245—253) рассматривает ряд стоянок, отличающихся от обычного типа трипольских поселений устройством жилищ в виде землянок, многочисленностью костных остатков животных, значительным увеличением количества кремневых орудий, а также «разносортичностью» керамики, и приходит к правильному выводу, что это — памятники последней стадии развития трипольской культуры. К сожалению, автором для доказательства выдвигаемого положения не показана генетическая связь поздних стоянок с предшествующими. Обращает также внимание изменение, отмечаемое автором в кремневом инвентаре,—развитие техники и количественное его увеличение. Чем вызван такой внезапный расцвет кремня в последней стадии культуры, сопровождаемой с ранней стадии медью и бронзой и отличающейся на всем протяжении незначительной ролью кремня? Объяснение этого явления усилением охоты и ростом скотоводства совершенно не удовлетворяет, так как в аналогичных памятниках наблюдается противоположное, вполне закономерное явление—вытеснение камня бронзой.

Публикуемый указатель П. П. Ефименко и И. А. Береговой «Палеолитические местонахождения СССР» (стр. 254—292) представляет ценную работу и является первым исчерпывающим указателем открытых на территории СССР палеолитических местонахождений. Каждый памятник сопровождается сжатой характеристикой и библиографическими указаниями. Следует подчеркнуть, что, за исключением очень незначительного количества, все поименованные местонахождения были открыты в советский период. Таким образом, указатель является как бы подведением итогов работы советских исследователей по палеолиту.

М. Е. Фосс

**№ 4. Археологические памятники Боспора и Херсонеса;
под редакцией акад. С. А. Жебелева и В. Ф. Гайдукевича**

Выпуск содержит отчеты о раскопках и научных исследованиях, связанных с Боспором и Херсонесом, вследствие чего весь материал распределен на две части.

Первая, наиболее обширная часть—Боспор, включает в себя отчеты о раскопках древней Дии—Тиритак и ее некрополя за 1932—34 гг. и Мирмекии за 1934 г. В связи с проведенными раскопками публикуются исследования В. Ф. Гайдукевича «О местоположении древней Тиритак» и академика С. А. Жебелева «Откуда ведет свое происхождение название Мирмекий»; опубликован обработанный А. Н. Зографом нумизматический материал раскопок, а также материал керамической эпиграфики, обработанной Е. М. Придином; Незаконченный труд Е. М. Придика, как сообщает редакция, завершен Б. Н. Граковым.

Вторая часть посвящена раскопкам Херсонеса за 1931—1933 гг., нумизматический материал которых обработан и издан Л. Н. Беловой-Кудь.

Раскопки на Боспоре Мирмекии и Дии—Тиритак с ее некрополем представляют особый интерес, являясь впервые научно-поставленными планомерными раскопками этих городищ, положившими начало дальнейшим многолетним работам. Результаты раскопок 1932—34 гг. имеют не только локальное значение, но представляют огромный интерес для изучения культуры Боспора в целом и в частности для исследования центра европейского Боспора—древнего Пантикапея.

Отчет Ю. Ю. Марти «Городские крепостные стены Тиритак и прилегающий комплекс рыбозасолочных ванн» представляет собой, строго говоря, не отчет о раскопках, как он обозначен, но описание архитектурного комплекса на участках I и II. Комплекс этот включает часть городской оборонительной стены эллинистического времени с остатками трех башен. С внутренней стороны города непосредственно к стене примыкает обширный комплекс рыбозасолочных ванн, колодезь и специальные площадки производственного назначения. Этот комплекс относится к римскому времени от I до III—IV вв. н. э.

Комплекс рыбозасолочных ванн в Тиритак является наиболее обширным из открытых на Боспоре; менее значительные остатки подобных ванн были в последующие годы обнаружены в Мирмекии, Фанагории и в самом Пантикапее, что свидетельствует о большом рыбном промысле на Боспоре.

Ценным дополнением к публикуемому архитектурному комплексу является исследование ихтиолога В. Ю. Марти, установившего сорта рыбы, обнаруженные в ваннах, среди которых видное место занимает сельдь, являющаяся основным рыбным продуктом Керченского промысла в наши дни.

К сожалению, стратиграфия слоев, повидимому, не была прослежена достаточно тщательно, и ее характеристика ограничивается обозначением: эллинистический или

римский слой. Остается совершенно неясным: были ли работы доведены до материка а если нет, то почему работы остались незаконченными?

В исследованиях архитектурных остатков нигде не обозначены глубины и глубинные соотношения объектов: приводятся лишь два измерения их по плоскости, соответствующие их плану.

Отсутствие этих данных в тексте до некоторой степени возмещается чертежом высокого качества на табл. 1, в котором на разрезах обозначен многослойный характер архитектурных остатков. Здесь нехватает, однако, одного существенного разреза через башню I с уходящей под нее более ранней кладкой с ю.-в. стороны и через башню III с нижележащими кладками, что позволило бы судить об архитектурных остатках, предшествующих раннеэллинистическому периоду.

Работы на участке V—VI были начаты с целью дальнейшего прослеживания городской стены. Отчет о раскопках Т. Н. Книпович и Л. М. Славина детально и убедительно вскрывают сложную стратиграфию. Культурные напластования содержат остатки почти всех периодов существования города. Городской стены эллинистического времени здесь не оказалось, однако, по мнению авторов, в одной из мощных раннеклассических кладок (№ 106) можно предположительно видеть остатки наиболее ранней городской стены. Это предположение нам кажется вполне убедительным, тем более, что на участке I—II была обнаружена кладка (не получившая номерного обозначения), уходящая под фундамент раннеэллинистической кладки башни I и являющаяся, вероятно, как отмечает Ю. Ю. Марти, кладкой наиболее ранней городской стены.

Кроме того, на участке V—VI были обнаружены остатки других кладок и вымосток; в числе их особого внимания заслуживают архаическая постройка конца VI—начала V в., угол здания, относящийся к слою между классическим и эллинистическим, затем многочисленные кладки ранне- и позднеэллинистического времени, включающие рыбозасолочные ванны, обширный комплекс I в. н. э. хозяйственного назначения с пифосами, состоящий из целого ряда помещений, и, наконец, остатки эпохи позднеримского строительства с рыбозасолочными и винодельческими цистернами, использование которых продолжалось еще в раннесредневековый период (по VIII в. н. э.).

Из числа находок на этом участке исключительного внимания заслуживают обнаруженные в хищнической кладке два каменных изваяния—мужское и женское, представляющие собой памятники доскифского (по определению П. Н. Шульца, киммерийского) периода. Очень важен факт нахождения обломков раннескифской и греческой архаической керамики середины VI в. Интересна пластина резной кости с изображением головы силена, аналогичная которой была найдена в Мирмекии и Фанагории и являющаяся, несомненно, продукцией боспорских резчиков. Интересно также большое количество местной лепной керамики как раннего, так и позднего античного периода.

Описанию и анализу вещевого материала в отчете уделено очень большое место, что придает исследованию конкретную насыщенность и заслуживает высокой оценки.

По разделу, касающемуся описания культурных слоев, может быть замечено следующее: в процессе работ прослежены по крайней мере 7 культурных слоев—архаический, два классических, два эллинистических и два римских. В отчете же они суммарно сведены в 3 слоя, что несколько нарушает четкость и выразительность в хронологических определениях слоев. Так, например, к III слою отнесены архаический и классический слои, а I слой включает материал от I в. н. э. до средневековья включительно—при имеющихся совершенно четких двух, а может быть и трех римских слоях.

Одновременно с раскопками городища в 1933 и 1934 гг. велись раскопки некрополя, отчеты о которых В. Д. Блаватского (1933 г.) и М. М. Кобылиной (1934 г.) помещены в настоящем выпуске. Как и на городище, археологические работы были вызваны срочной необходимостью в связи с земляными работами Камыш-бурунстройа, уничтожавшими некрополь. Раскопки обнаружили в нескольких пунктах сплошной

некрополь римского времени I—III вв., впервые зафиксированный в этом районе. Обычным типом могилы установлен земляной склеп с дромосом—как однокамерный, так и двухкамерный—с погребениями в деревянных гробах, иногда в саркофагах с гипсовыми украшениями. Инвентарь могил довольно однотипен и включает значительное количество железных и бронзовых изделий, главным образом предметов вооружения, многообразные стеклянные сосуды, бусы, подвески и амулеты из пасты, краснолаковую и местную простую керамику. Разведочные раскопки установили также места классического и эллинистического некрополя.

Говоря о раскопках в Дии—Тиритаке в целом, нужно отметить, что за 3 года раскопок не только исследована значительная площадь городищ, но проведена разведочная работа во многих пунктах в районе Камыш-буруна. Приходится только с сожалением отметить, что в изданных материалах отсутствует генеральный план раскопок, без которого результаты проведенных работ не получают полного освещения и нет также общих выводов о работах в городе в целом. Итоги подведены в основном по отдельным участкам.

Работы первых лет, проводившиеся в специфических условиях строительства, носят несколько случайный характер в смысле выбора мест. Тем самым особое значение приобретает плановость в работах последующих лет.

Вопрос о местонахождении древней Тиритакы как у прошлых исследователей, так и в настоящее время содержит ряд не вполне выясненных сторон в силу разноречивости свидетельств древних авторов. Исследование В. Ф. Гайдукевича вносит здесь некоторую ясность. Он отождествляет Тиритаку с городищем Камыш-буруна и предполагает, что Дия являлась названием Тиритакы в раннеримское время.

Работы по раскопкам Мирмекия начались на два года позднее, чем в Камыш-буруне. В настоящем выпуске публикуется лишь отчет первого года раскопок (1934 г.) В. Ф. Гайдукевича, Е. И. Леви и Е. О. Прушевской. Отчету предшествует обстоятельный обзор В. Ф. Гайдукевича прежних археологических работ в Мирмекии.

В первый же год работ экспедиции на основании разведочных данных был составлен схематический план городища. На участке А был заложен один небольшой раскоп с целью выяснения стратиграфии культурных слоев. На другом участке, на месте доследования кладки, обнаруженной в траншее, был проведен большой раскоп Б. Там обнаружены развалины хорошо сохранившейся винодельни эллинистическо-римского времени, являющейся единственным крупным комплексом подобного типа на Боспоре. Раскопки этого комплекса проведены очень тщательно, и описание их, вырастая из рамок отчета, представляет собой специальное исследование.

Работы на городище велись в 5 пунктах, где были обнаружены культурные остатки от архаического до позднесредневекового времени.

В заключении к исследованиям древнего Мирмекия помещено исследование С. А. Жебелева «Откуда ведет свое название «Мирмекий». Автор считает вероятным, что оно происходит от имени милетского гражданина Мирмека. Последний был ктистом Мирмекия и дал ему свое имя.

Весь нумизматический материал раскопок обработан и издан А. Н. Зографом. В небольшом прекрасном исследовании о мирмекийском кладе автор доказывает на основании характера чекана монет наличие кризиса Пантикапея в III в. до н. э. В другом более обширном исследовании дается сводка всего нумизматического материала раскопок, проливающая новый свет на изучение боспорских монет.

Большой интерес вызывает исследование Е. М. Придики, давшего сводку керамической эпиграфики за все годы раскопок. Этот материал представлен в связи с обширным материалом, найденным в Керчи, что позволяет автору сделать вывод о наличии тех же соотношений в распределении групп: на первом месте стоит группа синопских, затем—родосских и фассосских амфор, далее гераклейских; на последнем месте находятся киждские клейма и единичные клейма некоторых других центров. В прилагаемой сводке клейма распределены по группам и даны их датировки.

Во второй части IV выпуска публикуется отчет Г. В. Белова о раскопках северной части Херсонеса за 1931—33 гг. с приложением нумизматического материала,

обработанного Л. Н. Беловой-Кудь. Работы 1931—33 гг. являются продолжением многолетних раскопок предшествующих лет. Они дали обильный материал, расширяющий наши знания о Херсонесе, главным образом средневекового периода. На этом участке были обнаружены также остатки более ранних напластований, начиная с раннеэллинистического периода.

И. Б. Зест

**№ 5. П. Н. ТРЕТЬЯКОВ, К истории племен Верхнего Поволжья
в первом тысячелетии нашей эры**

Первое тысячелетие нашей эры является одним из интереснейших и в то же время одним из наименее изученных периодов в истории племен Верхнего Поволжья. В этот период здесь проходил процесс формирования восточного славянства, образования славянских племен и племенных союзов, закладывались основы государственности.

К сожалению, письменные источники совершенно не освещают этого периода, а археологические памятники исследовались мало. Поэтому история племен Верхнего Поволжья до последнего времени оставалась неизвестной даже в общих чертах.

Только в 1933—1937 гг. Государственная академия истории материальной культуры провела большие археологические работы в зоне строительства гидроэлектростанций и районах затопления. В результате обследования берегов Верхней Волги и ее притоков (Мологи, Шексны и др.) на протяжении около 350 км было зарегистрировано около 200 памятников различных культур—от неолита до раннего средневековья. Часть этих памятников подвергалась раскопкам. Собранный материал по своему обилию в несколько раз превзошел все то, что было накоплено археологической наукой за весь предшествующий период по этому району. Ценность материала возрастает еще и потому, что он получен в результате научно разработанной, точной методики полевых исследований.

Книга П. Н. Третьякова всецело основывается на этом материале. Она является трудом, который впервые в литературе не только дает общее представление об истории племен Верхнего Поволжья, но ставит, а иногда и разрешает ряд более конкретных проблем в области экон мического и социального их быта.

Книга распадается на две равноценные по своему значению части: очерки по истории племен Поволжья (стр. 7—97) и приложения—отчеты о раскопках отдельных памятников (стр. 101—144). В конце книги имеется резюме на французском языке (стр. 245—250).

Первая часть книги состоит из введения и пяти глав. В введении автор дает общую характеристику изучаемого периода, подчеркивая разницу в исторической обстановке этого времени для племен северных и южных.

Оценивая археологический материал, автор отмечает, что памятники первого тысячелетия нашей эры, представленные в этом районе в числе нескольких десятков, позволяют проследить изменение культуры, экономики и общественного строя населения Верхнего Поволжья буквально из столетия в столетие и проследить не в общих чертах, а совершенно конкретно, со многими мелкими деталями (стр. 9). Однако, как признает это и сам автор, проделанная работа представляет собою лишь первый этап, обрисовывающий общие контуры исторического процесса, протекавшего в Верхнем Поволжье в течение I тысячелетия н. э. Она требует дальнейшего собирания материала и более углубленного всестороннего изучения материала, уже собранного, во многих случаях еще не опубликованного.